

ГИМН ЛЮБВИ И СВОБОДЕ

Вот и закончились гастроли прославленного Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова. Начались же они не спектаклем, а заложенным коллективом театра цветом на проспекте Руставели в память жертв 9 апреля. А вечером был показан балет «Витязь в тигровой шкуре», которого с нетерпением и любопытством ждал зритель. Оба чувства понятны. «Витязь в тигровой шкуре» уже пятый год идет на сцене Кировского театра, побывал во многих странах, снискал признание, а здесь, на родине Руставели, он был еще неизвестен. Любопытство же вызвано тем, что беспредельна поэма, как и велик гений ее создателя, и потому трудно представить произведение адекватное первоисточнику.

Понимая всю сложность задачи, авторы балета, вдохновленные гуманистической идеей поэмы, обратились к одной, но доминирующей теме — теме любви. Во имя этого чувства, желая воплотить его, и создан балет «Витязь в тигровой шкуре».

...Зазвучит в притихшем зале увертюра, и слух наш мгновенно станет неравнодушным — столь нетрадиционно, своеобразно звучание музыки, явно не рассчитанной на легкость восприятия. Она современна, напряженно-эмоциональна и дает возможность балетмейстеру О. Виноградову создать танцевальные композиции не менее своеобразные и оригинальные.

О. Виноградов, судя по его работам, человек, легко идущий на эксперимент, не исключая рисков. Отсюда и противоречивость оценок его творчества — от полного принятия до непонимания.

Хореография «Витязя...» вобрала в себя множество стилей и направлений — это свободная

пластика и акробатика, умелая, тонкая трансформация элементов школы академического танца и пряность восточной хореографии.

Профессионализм молодых артистов балета Т. Ариской, А. Алиева дают возможность хореографу выстроить законченные скульптурные комбинации, но порой возникло желание, чтобы образы Нестан-Дареджан и Таризла, которые они воплощали, были бы более полнокровны, насыщены живым человеческим чувством. В этих качествах нельзя отказать Е. Евтеевой (Тина-тин), С. Вихареву (царевич Каджей) и Е. Неффу (Авандил).

Художник Т. Мурванидзе поразили щедростью фантазии и смелою замыслом. Здесь роскошь костюмов и сдержанность панорама, сочетание отвлеченного и национального начал. Умение создавать необходимую атмосферу, эффект и настроение и глубокое знание специфики хореографического искусства.

Разнообразие стилей, жанров, поиск нового пластического языка, смелый эксперимент и верность традициям — все мы могли увидеть за неделю гастроль кировцев.

Мир великого Баланчина ожил в «Шотландской симфонии» на музыку III симфонии Ф. Мендельсона, интерпретирующей образы эпохи романтизма. Взгляд балетмейстера в прошлое чуть ностальгичен и одновременно полон оптимизма. Старинные образы наполнены новым смыслом, но неизменно чувство тяги к прекрасному. Это чувство дорого и артистам ленинградского балета, воплотившим на сцене гармонию и летучие ассоциации, присущие стилю Баланчина.

Л. Кунакова и К. Заклинский представили в «Пахите» — сложном, виртуозном дивертисменте, где классический танец льется и пе-

реживается всем своим многоцветьем и в котором столь органичны и свободны солисты Кировского балета.

Великолепную балерину Г. Мезенцеву мы увидели в «Умирающем лебеде» К. Сен-Санса и призрачной классике «Белого акта» Баядерки. Балерину, обладающую такой яркой индивидуальностью, что каждое прикосновение ее к знакомому хореографическому рисунку рождает ощущение первоизданности.

Как уже рассказывалось в нашей газете, в октябре в Грузию состоялись гастроли балетной труппы театра. Сегодня мы публикуем статью из газеты «Заря Востока».

«Тени» — шедевр блистательного М. Петипа. Здесь роль кордебалета оспаривает с ролью солистки, и, глядя на этот божественный унисон танца, еще раз убеждаешься в справедливости возмущенных эпитетов, посвященных кордебалету Кировского театра.

Несколько эклектично прозвучало концертное отделение, где старинная хореография паде-труа из «Фен куклол» соседствовала с современной стилистикой «Адажио» Т. Альбини в постановке Б. Эйфмана с сольной партией в исполнении Е. Неффа и остроумным экстрадным номером на музыку Д. Шостаковича (хореография Д. Брянцева).

А память все же возвращает нас к открытию гастроль лейпцигцев, к тому первому вечеру, когда О. Виноградов сказал притихшему залу о желании приехать к нам и о том, как трудно было осуществить его из-за строгого гастрольного расписания театра.

При первой же возможности театр приехал, желая быть с нами в нелегкие дни. Пророчески оказались слова. За день до конца гастроль ленинградского театра на Грузию обрушилось еще одно горе — не стало чело-

века, чье имя воспринималось символом преданности идее. В вечер 14-го все же был дан «броненосец «Потемкин» — спектакль, в котором торжествовала идея свободы.

...Сцена — гигантский корабль, у его борта уютно притулилась «Смерть» — такая традиционная, с косою, черепом, в тускло мерцающем балахоне. Расколется корабль и откроет нам свои недра, будничность своей жизни. Серой, безликой массой предстанут матросы, на их унылом фоне контрастными пятнами ярко будут выделяться офицеры в элегантно-строгих формах. Их мало, но им безропотно подчиняются эти — а серой робе. Они чистят и драят, четко выполняют приказы.

Оказывается, хореографический театр способен воплотить свойственными лишь ему выразительными средствами антибалетную, казалось бы, тему! Но Виноградов, мыслящий танцем, видит лик своего божества всюду, и потому ему оппортуно заставить «говорить» на своей родной лексике любую ситуацию. И ничего. Будет и логика, и мысль — порой прямолинейная, плакатная, с таким же эффектом воздействия, и прекрасно продуманная режиссура...

Смерть зачистит на корабль, станет таким «почетным членом» экипажа. Офицеры будут легко отдавать в ее страшные объятия очередную жертву из серой матросской массы. И будет она на каком-то ирреальном фоне танцевать свой зловещий танец. Крепка броя корабля, уверены в себе офицеры, незыблем порядок. Одни властвуют, другие подчиняются. Да еще как подчиняются! Как стройные ряды мужского кордебалета, какой унисон их движений, доведенный до автоматизма, как ладно маршируют они по сцене. Но вот порвется кажущаяся гармония. Один из матросов нарушит что-то в суровом отлаженном механизме корабельного распорядка, и начнут испуганно метаться в его руках сигнальные флажки, как крик о помощи... Она не подойдет, матроса не станет. Лишь боль и со-

чувствие — вот и все, на что способны его товарищи.

Далее условность театральное действия войдет в свои права: на корабль спустятся золотистые шторы и хрусталь люстр. Появятся они — сильные мира сего в белоснежных, расшитых золотом костюмах, и будут они танцевать, подобие канкана — то есть то, что никогда бы не позволили себе их реальные прототипы. Но Виноградов знает, чего он хочет. Он высветит саму сущность этих людей.

Веселье и протест этой сцены еще больше подчеркивают трагичность матросского бытия. Они все еще послушны, глуша в зародыше возникающий робкий первый протест. Бессмысленно все — силы неравны. И будут терпеть, и будут стонать до той поры, пока их не заставит всемогущество приказа уничтожить бунтующих женщин и детей. И поймут, наконец, матросы, к чему привала покорность. И вспыхнет протест очнувшихся, и будет он беспощаден.

Оказывается, как красив человек, сбросивший оковы! Нет серой безликой массы. А есть лица людей, обретших свободу. Из оркестровой ямы незаметно и неожиданно вырастет оркестр, и зазвучит ликующая музыка на самой авансцене, а эти, счастливые, с громким криком бросятся в зал и будут лететь с простертыми руками мимо нас, провожаемые ошеломленными нашими аплодисментами. Они, эти аплодисменты, — балетмейстеру О. Виноградову, артистам балета, художнику Т. Мурванидзе, композитору А. Чайковскому... И самой свободой! Известный советский критик В. Гаввацкий как-то заметил, что О. Виноградов не безрассуден, но смел. Позволю себе продолжить мысль. Он мужествен и честен. Это человек, имеющий свою позицию — и балетмейстерскую, и гражданскую, умеющий отстаивать ее. В наше сложное, труднопредсказуемое время — это достойно уважения!

Нелли ШУРГАЯ,
искусствовед
[с небольшими сокращениями]